

— Высокомерный, непокорный ребёнок, — пробормотал Сократ, выходя из грубой комнаты с осколком языков. — Я буду драть ему уши, пока они не отвалятся. Расколотые основы. Расколотые основы!

Долгое время я продолжал смотреть на меняющийся текст, выбитый на скрижали размером с человека, нечитаемый пока оба моих глаза были открыты. Я всё ещё чувствовал это первобытное движение за моими глазами, в черепе, и даже в языке. Но основная его часть замедлилась, когда я перестал читать, и инстинкт подсказывал мне, что этот процесс ещё не закончен.

— Мой наставник - хороший человек, — сказал я тихо, почти про себя. Рядом со мной Селена сжала руку, которую я положил ей на плечо.

— Я верю тебе, Солус.

— Он сделал всё, что мог, с теми материалами, которые ему дали, и с тем временем, которое у него было. — Я уже сказал это Грифону, а потом Сократу. — Он не виноват в том, что я такой, какой есть. Мои недостатки - мои собственные.

— Но ведь ты приписываешь ему свои успехи, не так ли? — мягко спросила меня Селена. Я бросил на неё боковой взгляд. В какой-то момент она откинула золотую вуаль с лица, открыв тонкие черты, горящие алые глаза и волосы, похожие на пряди золота.

— Это не то же самое, — сказал я.

— И почему нет? — воскликнул Сократ, его раздражённый голос доносился из соседней комнаты. — Что изменилось?

Я схватился за копьё и заставил себя встать, мои мысли стали слишком запутанными, чтобы продолжать чтение. Селена быстро поднялась вместе со мной, приняв на себя основную тяжесть моего веса, лишь ободряюще хмыкнув. Я тихо вздохнул и позволил ей сделать это, мы вдвоём развернулись и, прихрамывая, вышли из неукрашенной комнаты.

— В легионах, ответственность является королём, — сказал я, глядя, как Сократ обшаривает одну из спальных комнат покойного Кириоса. — Не в силах наставника прожить за меня мою жизнь. Аристотель дал мне инструменты, необходимые для достижения успеха, и поэтому я приписываю ему часть своих успехов.

— А почему не твои неудачи? — спросил Сократ, опрокидывая несколько больших плетёных тростниковых корзин на пуховую кровать, застеленную шёлковыми простынями цвета индиго и белого. Из корзин высыпалась одежда: туники и пояса, парадные халаты для культовых дел, а также официальные наряды для земных дел.

— А почему я должен? — пробурчал я в ответ. — Скажем, фермер даст мне косу и скажет, чтобы я собрал урожай к закату, и я вернусь к нему, выполнив лишь половину работы, потому что решил сделать это руками. Это его вина или моя?

— Твоя, конечно, — согласился Сократ. — Но что насчёт охотника?

— Что насчёт охотника?

— Функция косы очевидна, когда ты стоишь на пшеничном поле во время жатвы – это достаточно ясно. Но как быть с луком и стрелами? Если охотник даст тебе лук, колчан и скажет, что до заката ты должен принести хорошую добычу, это его вина или твоя, если ты вернёшься с пустыми руками?

— Моя.

— Разве? Человек, который знает, как выследить оленя, как подкрасться к нему, не будучи замеченным, и как – а также где – его подстрелить. Этот человек вручает тебе лук, немного стрел и суровое требование, и ты считаешь, что это ты виноват в том, что ты не оправдал его ожиданий? И если ты каким-то образом, по милости богов, умудришься принести что-то благодаря собственной изобретательности, то он заслуживает частичной благодарности за убийство?

Сократ взял в руки тунику из белой ткани, по краям которой были нашиты малиновые завитки. Он посмотрел на неё и меня, прищурившись. Я посмотрел на него в ответ.

— Сравнение несправедливо.

Сократ швырнул тунику мне в лицо. Селена поймала её прежде, чем она успела попасть в меня, и, если судить по звуку удара о её ладонь, я понял, что при попадании в меня она сбила бы меня с ног.

— Во всех трёх сценариях каждый из мастеров предоставлял своему ученику инструменты, необходимые для достижения успеха, — сказал он, но взмахнул рукой, как бы отмахиваясь от аргумента. — Но ладно, оставим охотника. Что насчёт рыбака?

Я снял руку с плеча Селены, не обращая внимания на её протест, и тяжело оперся на копьё из небесной бронзы, которое я украл из храма Отца. Я обдумал сценарий.

— Что предоставлено? — спросил я, наконец. Не имея заданных параметров, я знал, что он может завязывать меня в узел до скончания веков.

— Сеть и копьё, — сказал он, держа в руке широкий кожаный ремень и рассматривая меня, прежде чем хмыкнуть и бросить его обратно в корзину.

Я раздражённо выдохнул: «Ловить рыбу не так уж сложно. Приобрести инструменты сложнее, чем научиться ими пользоваться».

— Я знаю людей, которые с этим не согласятся, но допустим. Если бы я дал тебе сейчас сеть и сказал, чтобы ты взял своё красивое копьё и поймал мне ужин, сколько рыбы я мог бы ожидать от тебя к закату?

Я серьёзно задумался. Когда я был мальчишкой, рыбалка была для меня диковинкой, а когда служил в легионах – не моей проблемой. Всегда был кто-то другой, кто выполнял эту работу. Всегда находились более важные дела. Но время, проведённое в Розовой Заре, во многом смирило меня и вновь познакомило со многими занятиями, которые я не практиковал с тех пор, как мой отец научил меня им. Рыбалка была одной из таких задач.

Поэтому я прикинул время суток, расстояние от этого места до портового города Олимпии и

уверенно кивнул.

— Тридцать.

— Хорошо. — Сократ засунул руку в складку своей туники и, необъяснимым образом, вытащил оттуда целую рыболовную сеть. Он швырнул её мне в грудь с чуть меньшей силой, чем тунику. — Принеси мне сотню к закату.

Я отшатнулся на шаг назад, когда сеть ударила меня в грудь, но сумел удержаться на ногах. Я сделал вид, что не замечаю, как Селена нависла у меня за спиной, её руки едва не коснулись моей спины. Я пристально посмотрел на мастера мастера моего мастера, пылая от гнева.

— Я не могу поймать сотню до заката, — тихо сказал я.

— А я могу, — сказал Сократ, отворачиваясь от одежды Кириоса и переходя к разбросанным вокруг горшкам и кувшинам, расставленным на высоких столах и полках. Каждый из них был тщательно расписан изображениями эпосов, комедий, трагедий и более благостных картин повседневной жизни и природы. Он потянулся к одному из них и достал несколько рулонов перевязочной ткани, небрежно перекинув их через плечо. Селена наклонилась мимо меня и поймала их все в одну руку.

— Я не могу, — повторил я.

— Какое это имеет значение? Это возможно, потому что я могу это сделать, и всё, что мне понадобится, — это инструменты, которые я тебе даю. Сеть, копьё и долгий полдень. Почему ты не можешь принести мне сто рыб, мальчишка?

— Я никогда не говорил, что не могу принести тебе сто рыб, — поправил я его, сузив глаза. — Я сказал, что не могу поймать их.

— Хо? Тогда ты купишь их? Может быть, украдёшь?

Я пожал плечами: «Ты дал мне копьё и сеть», — язвительно сказал я. Селена тихо хихикнула за моей спиной.

— Верно, верно. Итак, подведём итог: без сопутствующего опыта одних инструментов недостаточно, чтобы выполнить поставленную перед тобой задачу. Вынуждая тебя прибегнуть к обману или воровству, чтобы преуспеть.

Селена нежно положила руки мне на плечи, и я понял, что они были ужасно напряжены, моя пневма стремительно поднималась. Я заставил себя расслабиться, реалистично оценив состояние своего тела и силу противника, и позволил Алому Оракулу усадить меня в стоящее рядом кресло.

— Жизнь — это не то, что можно уложить в один аккуратный сценарий, — устало сказал я. Сократ рассмеялся.

— Совершенно верно. То, что сделал с тобой Аристотель, не равно ни охотнику, ни рыбаку. Это ещё хуже. Знаешь ли ты, почему культиваторы так часто умирают молодыми, хотя потенциально могут прожить непостижимо долгую жизнь?

Я знал.

— Идеал культивации – это начать у подножия горы и закончить на её вершине, — сказал я, отмахнувшись от Селены, когда она подошла потрогать мою раненую ногу, и взяв из её рук рулон ткани. — Опыт самого культивирования, с другой стороны, происходит наоборот.

— Начать на вершине? — с любопытством спросила девушка в шелках с солнечными лучами. Я кивнул.

— Культивация – это колесница, зависшая на вершине горы. Как только она начинает катиться, её уже не остановить, пока она не приедет к подножью.

— По частям, или ещё как, — размышляет Сократ. Я хмыкнул в знак согласия. — Более глубокое понимание, чем у большинства людей твоего возраста. Но это означает лишь то, что у тебя есть больше причин понять мой посыл.

Я промолчал, отдирая пропитанную кровью ткань с левой ноги и приступая к перевязке. Это было упрямо с моей стороны. Это была гордость. Но я был тем, кем я был.

— Недостатки человека не отменяют его достоинств, — тихо сказала Селена, опускаясь рядом со мной на колени.

Мои плечи опустились, придавленные тяжестью трёх тысяч мертвецов.

Соль и пепел.

— Неверно.

— Аристотель, возможно, не был тем, кто посадил тебя в колесницу, — сказал Сократ. — Возможно, он даже не был тем, кто толкнул тебя с горы. Но он изменил траекторию твоего движения, он расколол твои колеса. Когда ты берёшь на себя мантию наставника другого, ты берёшь на себя часть вины за всё, что за этим последует. Будь то хорошее, или плохое.

Великий философ покачал головой, опустошая последний глиняный кувшин в комнате, и с отвращением вздохнув.

— Жадный старый пёс, — пробормотал он.

— Что ты ищешь? — спросила Селена. — Возможно, я смогу помочь.

— Невозможно найти то, чего здесь нет, — сказал он. — Покойный владыка решил забрать с собой на небеса все преимущества, какие только мог. Или в Тартар, как выяснилось. Его запасы нектара и амброзии закончились. Тебе предстоит долгий путь к выздоровлению, мальчишка.

Я посмотрел на бинты, туго обмотанные вокруг моего левого бедра, которые уже окрасились в красный цвет. Рука, которую я сломал, поймав удар предназначенный Грифону, непрерывно пульсировала, что-то далёкое, но неотвратимое. Всё остальное тело ощущалось одним сплошным синяком.

— Я буду в порядке.

— Хорошо, потому что у тебя впереди много работы. Ты натворил дел, и я не буду их за тебя разгребать. — Сократ достал из кучи тряпки и стал бессистемно наматывать их на себя, сооружая на наших глазах свою пелену непоследовательности. — А ты пока побудешь здесь.

Я потянулся к гневу, я потянулся к ярости. Но всё, что я нашёл, это невероятную усталость: «Сначала ты избил меня как собаку, а теперь ещё и посадил меня в клетку как собаку, тоже».

— В этой клетке безопасно, — сказал он, развернулся и шагнул через следующую дверь в подземный двор с мозаичным полом из слоновой кости и золота. — Ты кусал пятки львам. Если бы я не вмешался вовремя, ты и твой друг были бы мертвы задолго до смены времён года. И вы всё ещё можете.

— И что же мне тогда здесь делать? Вертеть пальцами и ждать твоего разрешения? Я должен поговорить с остальными. По крайней мере, я могу избавить тебя от необходимости разбираться с ними, когда они придут за тобой.

Сократ насмешливо хмыкнул, даже не потрудившись оглянуться: «Не все в этом городе так же неосведомлены, как ты. Ещё меньше тех, кто также вопиющ. Мне нечего бояться горстки заблудших душ».

— Грифон придёт за тобой, — сказал я с абсолютной уверенностью. — По крайней мере, позволь мне поговорить с ним.

— Ты можешь говорить с кем захочешь, — сказал он и повернулся, прежде чем шагнуть через арку, ведущую обратно в гору. — До тех пор пока ты не покидаешь это место. — И потом он ушёл, без особой спешки поднимаясь по ступеням. В конце концов, даже звук его шагов затих.

Я вздохнул и откинулся в кресле, откинув голову.

— Я могу передать твоё послание, Солус, — предложила Селена со смесью нерешительности и волнения.

Вместо ответа, я поджал губы и резко свистнул. Свист эхом разнёсся по огромному двору за пределами комнаты, отразившись от всей горы. Я глубоко вдохнул аромат кипарисового дыма и ждал, не обращая внимания на свои боли, с выдержкой рождённой тренировками.

Только когда послышалось биение крыльев, я наконец наклонил голову и встретился с любопытным взглядом Селены.

— Он запретил мне уходить, но ничего не сказал о моей птице.

Лицо девушки озарилось, и она повернулась, чтобы поприветствовать Сорею, когда хищная птица спустилась в недра горы.

Мне нужно будет найти папирус и чернила, но этого будет достаточно, чтобы отправить письмо остальным. Как только я отойду от тяжелейших травм, я найду Грифона, и мы перегруппируемся. Я хотел сказать ему тысячу вещей, и инстинкт подсказывал мне, что он захочет сказать мне примерно столько же, когда вернётся из Бури, Которая Никогда Не Прекращается.

То, что он вернётся живым, не вызывало у меня даже сомнений. Сократ допускал такую возможность, и если это возможно, то Грифон сделает это.

— Селена, — сказал я, с некоторым усилием поднимая голову и наблюдая, как она напевает Сореи, пока великий орёл шаркает по полу, осматривая владения Кириоса.

Девушка в солнечных шелках обернулась ко мне, её глаза весело горели: «Да, Солус?»

— Хочешь услышать историю?

Её улыбка была ослепительной.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3438291>